

Ван Сянчжэнь, похоже, и сам понимал, что рисунки Цуй Се хороши лишь благодаря ярким и реалистичным лицам, а вот детали фона и одежды проработаны куда слабее, да и возвышенной поэтичности им не хватает — вряд ли такие картины привлекут внимание высокопоставленных сановников при дворе. Но поскольку подобные слова могли задеть, он не стал продолжать эту тему и сменил разговор:

— На днях ты передал мне сотню комплектов книг, но почему в каждом оказалась всего одна большая иллюстрация? Я открывал коробку за коробкой и лишь разворошив несколько штук, сумел собрать полный набор из четырёх красавиц! А купи кто чуть меньше, так и не собрал бы вовсе!

«Юноша, а ты уловил суть», — мысленно ухмыльнулся Цуй Се.

Он лишь молча улыбнулся и, отпив немного чая, утешил собеседника:

— Позже я подарю тебе ещё больших иллюстраций, к чему переживать из-за маленьких? Если твоим братьям тоже захочется собрать полный комплект, пусть меняются излишками — вот и соберут целый набор.

Молодой господин Ван, сын командующего третьего ранга, разумеется, не считал книгу ценой в четыре лян серебра чем-то дорогим. Собрав для себя набор «Четыре красавицы», он не стал дальше ломать голову и лишь махнул рукой:

— Ладно, остальные всё равно разойдутся на подарки, пусть сами меняются карточками. В дела твоей лавки я больше не лезу — если уж ты сам не торопишься, чего мне переживать?

Попив у него чаю и съев пару рассыпчатых коржиков с фруктовой начинкой, Цуй Се откланялся. Вернувшись домой, он захватил связку из пятидесяти книг и отправился на занятия.

Господин Линь посмотрел на изящно упакованную коробку и, вспомнив о высокой цене, засмутился принимать столь щедрый дар. Цуй Се пододвинул книги ближе и искренне произнёс:

— Не окажи мне господин помощь, разве смог бы я напечатать столь достойное издание? Появление этой книги — целиком ваша заслуга. К тому же эти экземпляры предназначены не только вам: здесь есть и авторские экземпляры для тех четырёх составителей из столицы.

Господину Линю ничего не оставалось, кроме как с улыбкой принять подарок. Впрочем, глядя на принесенные книги, он всё же спросил:

— Тебе не нужно сегодня присмотреть за лавкой? Если просишь отпустить тебя всего на один день, я, так и быть, позволю, но завтрашние задания ты всё равно обязан сдать в срок.

Однако Цуй Се степенно отказался:

— Вы шутите, господин. Что толку от присутствия в лавке меня, подростка? Торговые дела не подобает вести учёным мужам. В моих помыслах — лишь учёба да кэцзюй.

Услышав это, господин Линь ощутил глубокое удовлетворение. Ещё недавно, увидав на улице портреты красавиц в полный рост, он опасался, что юноша скроется в погоне за наживой и погрязнет в ремесле торговца или художника. Теперь же все эти тревоги растаяли без следа.

На душе у него стало легко, уголки губ под бородой едва заметно приподнялись, и он взмахнул рукой:

— Иди повтори «Оды владения Лу», скоро проверю, насколько хорошо ты помнишь каноны и комментарии.

Вернувшись в класс, Цуй Се как обычно принялся за заучивание и переписывание текстов. Заслушав персональные объяснения учителя по «Толкованию Книги песней», он получил три темы: «В обычной жизни говорят: "Я ничего не знаю"», «Привести Поднебесную к единому порядку» и «Побуждать правителя к совершенству — это и есть почтение». Пройдя путь от зачина к введению в тему, он по порядку составил вводную часть, предваряющую само восьмичленное сочинение.

Сегодня был день начала продаж «Записок о собранных ароматах», выпущенных его лавкой, и увлечённым чтением туншэнам не сиделось на месте. Зато сам издатель сидел неколебимо: декламировал каноны без единой ошибки, да и сочинения писал добротные, не без удачных мыслей...

«Вот настоящий учёный! В экзаменационном зале он непременно покажет всё, на что способен».

Господин Линь перечитывал его работы снова и снова, удовлетворенно улыбаясь. Положив руку на черновик на столе Цуй Се, он слегка постучал пальцами по бумаге:

— Сегодня вечером отдыхай, а с завтрашнего дня начнём учиться составлять парные строки.

Господин Линь удалился с чувством глубокой радости, а Цуй Се остался в полнейшем замешательстве из-за слов о «парных строках». Разве составление парных строк — это не предмет для начального обучения? Это те трое малышей каждый день упражняются в парных строках. Сам он уже вызубрил сборник парных строк, и этого должно было хватить. Неужели учитель хочет, чтобы он заучил наизусть и многотомные справочники?

Он хотел спросить у кого-нибудь, в чём тут дело, но сегодня всё было иначе: едва закончились занятия, как соученики бросились прочь, словно за ними гналась свора собак. К счастью, Чжао Инлинь не убёг один — он схватил Цуй Се за руку и потащил за собой. Цуй Се бежал следом и на бегу спрашивал:

— Что происходит? Соученики совсем забыли о приличиях, подобающих учёным мужам?

Чжао Инлинь удивлённо посмотрел на него:

— Сегодня же поступила в продажу твоя книга! Все скинулись и наняли человека, чтобы купить экземпляры, вот и спешат домой читать. Ты что, сам не знаешь?

Этот вопрос заставил Цуй Се лишиться дара речи.

Он слишком хорошо знал содержание книги, а иллюстрации и вовсе нарисовал сам, поэтому к самому изданию был абсолютно равнодушен и не предполагал, что товарищи по учёбе придут в такой восторг.

Впрочем, Чжао Инлинь и сам был без ума от четырёх красавиц и не думал о том, о чём размышляет его юный сосед. Пробегая мимо собственного дома, он крикнул родне: «Я иду учиться в дом академика Ханьлинь Цуй!» — и потащил Цуй Се в поместье Цуй.

Переступив порог и убедившись, что домашние из семьи Чжао его не услышат, Чжао Инлинь зашептал впопыхах:

— У тебя дома наверняка есть новые книги? Скорее дай мне один экземпляр! Я несколько дней терпел и не просил, дожидался начала продаж! — Он суетливо выудил из-за пояса четыре лян серебра, кое-как всунул их в руки Цуй Се и понизил голос: — А у вас есть обложки от Четверокнижия или Пятикнижия? Наклей мне на книгу перед уходом, чтобы родители ничего не заподозрили!

«И в древности, и в современности школяры прячут развлекательное чтение одинаково!» — мысленно усмехнулся Цуй Се.

Не успел Цуй Се опомниться, как из караульной выскочил Пэн Янь. Личико у слуги было такое, будто он вот-вот расплачется — то ли от радости, то ли от горя; обливаясь потом, он подбежал к хозяину:

— Молодой господин, наши книги распроданы! Запас, рассчитанный на целый день, закончился сразу после полудня! Управляющий Цзи и остальные ждут вас в доме!

Сердце Цуй Се заколотилось с бешеной скоростью, и прежнее спокойствие вмиг сменилось бурей эмоций. Он даже не понимал, смеётся или плачет. Голос его звучал будто со стороны, удивительно ровно:

— Отведи старшего брата Чжао в мой кабинет, найди для него экземпляр «Записок о собранных ароматах» и поухаживай за гостем. Я поговорю с управляющим Цзи и сразу приду.

Книга ценой почти в четыре лян серебра — жалованье господина Линя за два месяца работы учителем! — и её раскупили до последнего экземпляра?!

Весть была настолько хороша, что казалась нереальной. Цуй Се уже не мог сохранять невозмутимость и позволил себе пару мгновений порадоваться, а справился с эмоциями лишь по пути в главную залу.

Управляющий Цзи выглядел так, будто его ошеломил дождь из серебряных монет. Счётная книга в его руках дрожала, когда он поднялся и показал приходно-расходные записи и бланки заказов. «Записки о собранных ароматах» расходились с невероятным успехом: всего за одно утро раскупили свыше трёхсот экземпляров, и только благодаря тому, что управляющий Цзи вовремя остановил продажи, удалось приберечь сотню книг для завтрашней торговли.

Хотя Цуй Се сам спланировал всю рекламную кампанию — от рисунков на бумаге Цуй до обмена эссе на эти листы, создавая ажиотаж ещё с поэтического вечера на Праздник двойной девятки, — он и помыслить не мог о подобном фуроре.

Прежде он полагал, что подарочное издание разойдётся тиражом в две-три сотни штук — не больше, чем «Сборник стихов сада Шэнь». Остатки он планировал отправлять в другие города, а затем выпустить недорогой чёрно-белый вариант в мягком переплёте для покупателей с небольшим достатком, рассчитывая максимум на тысячу экземпляров. Но едва лавка открылась, как в очереди из обычных покупателей разошлось более сотни книг. Крупные клиенты — офицеры из военных гарнизонов, чиновники уездной ямени, а также богачи из города и окрестностей — шли непрерывным потоком. Никого не смущала цена в три лян и девять цзяней: книги заказывали десятками!

Если бы управляющий Цзи, видя невероятный спрос, не отказал книготорговцам из других

лавок, желавшим взяться за перепродажу, то распродали бы и оставшиеся почти двести книг. Мастера-печатники и подмастерья весь день трудились не покладая рук — бросили даже печать бумаги Цуй! — но успели отпечатать лишь около сотни комплектов. Этого запаса хватит от силы ещё на день работы.

Все испытывали одновременно и радость, и тревогу.

Радовались тому, что себестоимость книги составляла всего один лян и три цзяня, а продавали её по три ляна и девять цзяней — дневная выручка от трёхсот с лишним книг принесла чистую прибыль свыше восьмисот лянов. Тревожило же то, что рабочих рук катастрофически не хватало: печать не успевала за спросом. Сегодня ночью ещё можно работать без сна, но не трудиться же на износ изо дня в день?

Впрочем, по сравнению с тем, что было несколько месяцев назад — когда у Цуй Се за душой имелось всего тридцать лянов серебра, а в постоялом дворе он жил лишь из милосердия хозяина, или когда управляющий Цзи с работниками едва сводили концы с концами и сдавали двор книжной лавки в аренду ради куска хлеба, — нынешние заботы можно было назвать самым настоящим счастьем.

<http://bllate.org/book/18372/1761280>